

С. Т. - «Восход» 1889, кн. X, с. 21-37

(перепечатка из «Восхода»)

Мас. № 76 (кошмачев)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВЪ КОРЧМѢ И ВЪ БУДУАРѢ.

«Стень», «Тина», «Черкати-поле». Рассказы Антона Чехова.
П.-Петербургъ, 1889 г.

Не часто намъ приходится говорить на этихъ страницахъ о русскихъ авторахъ и въ особенности о представителяхъ отечественной беллетристики. И крупнѣйшіе изъ нашихъ писателей рѣдко касались въ своихъ произведеніяхъ быта русскихъ евреевъ, а тѣ темныя вещи, гдѣ сюжетъ хотъ затронуть, составляютъ у этихъ писателей исключеніе болѣе или менѣе неотрадное, если не въ художественномъ отношеніи, то относительно бытовой правдивости, сходства съ дѣйствительностью. Въ то время, когда Тургеневъ писалъ свой рассказъ «Жидъ», Достоевскій—«Мѣщане» и другія свои произведенія, въ которыхъ въ большей или меньшей степени затронуты нѣкоторыя стороны нашего быта, о евреяхъ вообще мало говорили въ печати, и упомянутые крупные авторы, говоря о евреяхъ преимущественно «мимоходомъ», пользовались обыкновенно ходячими шибкими о послѣднихъ, болѣе частью совершенно сказочнаго, гадательнаго свойства, грѣша при этомъ излишней склонностью къ обобщеніямъ и заботясь гораздо болѣе о психологической «возможности» описываемыхъ положеній, нежели о ихъ бытовой правдивости, ихъ фактическихъ основахъ. Новѣйшіе авторы-беллетристы, отстанъ отъ своихъ болѣе крупныхъ предшественниковъ со стороны общелитературной высококачественности, ушли гораздо дальше ихъ въ излишней склонности къ обобщеніямъ, излишней торопливости въ заключеніяхъ и выводахъ въ сферѣ еврейской жизни. Обиліе же газетно-публицистическаго матеріала извѣстнаго низкопробнаго свойства, составляющаго продуктъ новѣйшаго времени, не могла внести ничего въ часть нашей беллетристики, кромѣ сугубой запутанности и еще большаго

уродованія дѣйствительности, не считая уже общаго «тона», господствующаго во всемъ, гдѣ только рѣчь идетъ о евреяхъ.

Явленіе—далеко неотрадное и тѣмъ болѣе печальное, что оно наблюдается и у писателя молодого, несомнѣнно талантливаго, который успѣлъ заявить себя съ хорошей стороны въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ. Таковъ г. Антонъ Чеховъ, одинъ изъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ, пользующійся вполнѣ заслуженно вниманіемъ и симпатіей какъ со стороны критики, такъ и среди читающей публики.

Г. Чеховъ—преимущественно повелитель, авторъ цѣлаго ряда маленькихъ очерковъ и эскизовъ изъ народнаго и дворянскаго быта. Изъ болѣе крупныхъ его произведеній можетъ быть отмѣченъ прекрасный, въ общемъ очеркъ «Степь» (исторія одной поѣздки), въ которой читатель встрѣчается съ однимъ любопытнымъ еврейскимъ семействомъ.

Дѣло происходитъ въ корчмѣ, одиноко стоящей среди обширной степи. Въ корчмѣ, содержащую евреевъ Мойсей Мойсенчъ, пріѣзжаетъ старая, донотонная бричка съ тремя сѣдоками: купцомъ Иваномъ Ивановичемъ, его племянникомъ, девятилѣтнимъ Егорушкой, и настоятелемъ одной убогой церкви, отцомъ Христофоромъ Сирійскимъ. Служитель церкви и его духовное чадо, сытно закусивъ пышками со сметаной и изрядно, не смотря на раннее утро, «выпивши», отправились въ путь-дорогу на поиски за однимъ купцомъ, которому они продаютъ шерсть. Къ вечеру они прибыли въ корчму. «Едва бричка остановилась около крыльца съ пѣнѣсомъ, какъ въ домѣ послышались радостные голоса—одинъ мужской, другой женскій—завизжала дверь на блокѣ и около брички въ одно мгновеніе выросла высокая, тощая фигура, размахивавшая руками и фалдами. Это былъ хозяинъ постоялаго двора Мойсей Мойсенчъ... Мойсей Мойсенчъ «взмахивалъ фалдами, точно крыльями, всякій разъ какъ онъ отъ радости или въ ужасѣ всплескивалъ руками»... «Узнавъ пріѣхавшихъ, Мойсей Мойсенчъ сначала замѣръ отъ наплыва чувствъ, потомъ всплеснулъ руками и прогостоналъ (?). Сюртукъ его взмахнулъ фалдами... Введя гостей въ комнату, Мойсей Мойсенчъ продолжалъ изгибаться, всплескивать руками, пожиматься и радостно восклицать... Узнавъ, что путники наѣбренны немедленно пустить дальше въ путь, Мойсей Мойсенчъ ужаснулся, всплескивая руками... Онъ склонилъ голову на бокъ, согнулъ колѣни и выставилъ впередъ ладони, точно обороняясь отъ ударовъ, и съ мучительно-сладкой улыбкой сталъ ужомъ»:

— «Иванъ Ивановичъ! Отецъ Христофоръ! Будьте же такіе добрые, поужайте у меня чайку» и т. д.

Путники согласились наняться чаю, чѣмъ несказанно осчастливили Мойсей Мойсенча: «Мойсей Мойсенчъ вострепнулся, радостно ахнулъ и, поглядывая такъ, какъ будто онъ только-что выскочилъ изъ холодной воды въ тепло, побѣжалъ къ двери и закричалъ дикимъ, придуреннымъ голосомъ:

— «Роза, Роза! Давай самоваръ!»

Самоваръ былъ поданъ. Путники за чаемъ стали бесѣдовать о томъ, о семъ. Мойсей Мойсенчъ слушалъ, удивлялся, ахалъ, охалъ, взвизгивалъ; говорилъ Егорушкѣ, что «учиться похвально», почему-то грозилъ при этомъ пальцемъ ни въ чемъ виновному самовару, а когда о. Христофоръ разсказалъ, что одинъ земскій врачъ посоветовалъ ему лечиться отъ кашля сватымъ воздухомъ, Мойсей Мойсенчъ вскочилъ «и, взявшись за животъ, началъ тонкимъ свѣжомъ, похожимъ на лай собаки». И опять завертѣлся по рукамъ, и опять замахали его фалды, да такъ и вертѣлись, и махали, махали и вертѣлись покуда не уѣхали гости, а у читателя, поди, и до сихъ поръ мелькаютъ и рябятъ въ глазахъ отъ этихъ вертящихся рукъ и мающихся фалдъ, отъ всей этой уродливой фигуры корчмашагося, хихикающаго и безобразничашаго шута гороховаго въ болтающемся черномъ сюртукѣ, широкихъ бѣлыхъ панталонахъ и бархатной жилеткѣ съ рыжими лапками, похожими на гигантскихъ клоновъ...

Таковъ этотъ Мойсей Мойсенчъ (и имя-то не совсѣмъ еврейское), съ которымъ читатель знакомится послѣ длиннаго ряда встрѣчъ и столкновений въ широкой, прекрасной степи, прекрасно описанной авторомъ.

Если вы, читатель, и не видали лично никогда еврейскаго корчмара, и не знаете, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое представленіе объ этомъ типѣ по описаніямъ и, читая очеркъ г. Чехова—не правда-ли?—чувствуете невольное, что дѣло тутъ не совсѣмъ ладно: больно ужъ ярки краски, слишкомъ остры углы, слишкомъ рѣзки очертанія—шаржъ, словомъ, очевидный, я шаржъ, далеко не служащій ни въ пользу произведенія, ни въ похвалу его автору. Супруга Мойсей Мойсенча, мадамъ Роза (слышите? не Рейза, а на «повѣдшій», деликатный манеръ—Роза)—дама «большая, очень толстая, съ распущенными волосами». Последнее, конечно, обстоятельство довольно важное для еврейки-корчмарихи, хотя, съ другой стороны, вполне естественно для супруги человѣка, носящаго бархатный жилетъ съ большими желтыми узорами. Это уже не просто корчмарь и его подруга жизни,

а какіе-то еврейскіе «аристократы». И гдѣ это только, о, Господи, и гдѣль нѣтъ г. Чеховъ? Надо замѣтить, что въ очеркѣ нѣтъ никакихъ указаній на происхожденіе подобныхъ диковинныхъ типовъ, никакихъ объясненій этого нѣтъ «аристократизма», процвѣтающаго и благоухающаго въ жалкой степной корчмѣ, въ тѣсной комнаткѣ, гдѣ захватываетъ дыхание отъ запаха чего-то кислаго и затхлаго, среди грудъ всяческаго тряпья и всяческой рвани...

Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что Моисеємъ Моисеичемъ и его мадамъ Розой еще не исчерпывается запасъ тѣхъ несообразностей, коими г. Чеховъ населилъ, на диво читателю, одинокую еврейскую корчму среди обширной степи. Кроме Моисей Моисеича и его супруги, въ этомъ жалкомъ, нищенскомъ гнѣздѣ обитаетъ такая, скажу я вамъ, птица, которой положительно подѣлать носиться высоко-высоко подѣ облаками, а не томиться въ душной, затхлой корчмѣ Моисей Моисеича, не взирая даже на весь «аристократизмъ» послѣдвіго. Рѣчь идетъ о единоутробномъ братцѣ корчмаря, по имени Соломонъ.

Это — невысокій, молодой еврей, рыжій, съ большимъ птичьимъ носомъ и съ пльшью среди жесткихъ, кудрявыхъ волосъ. Одѣтъ онъ въ короткій, очень поношенный пиджакъ, съ закругленными фалдами и съ короткими рукавами, и въ короткія триковныя брючки, отчего самъ выглядываетъ короткимъ и кургузымъ, какъ ощипанная птица. Такова его наружность. Но если бы вы только знали, что за сердце бьется въ груди этого Соломона, исполняющаго въ корчмѣ должность лакея! На лицѣ его постоянно играетъ какая-то въ высшей степени загадочная улыбка, очень сложная, выражающая много чувствъ, среди которыхъ преобладаетъ одно — явное презрѣніе. Соломонъ презираетъ всѣхъ и все: и своего брата Моисея, и свою belle-soeur, и всю корчму съ ея пріѣзжими, и весь міръ со всѣми его населяющимъ, и самого себя, обреченнаго быть лакеемъ у своего брата, лакействующаго передъ своими постояльцами, которые, въ свою очередь, лакействуютъ передъ другими, такими же лакеями, какъ и они сами. Это Соломонъ прямо и говоритъ о Христофору:

— «Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, братъ лакей у прѣзжающихъ, прѣзжающіе лакеи у Варламова (явственный крезъ), а если бы у него шло десять милліоновъ, то Варламовъ былъ бы у меня лакеемъ».

Изъ этой сентенціи можно было бы заключить, что Соломонъ презираетъ окружающихъ потому именно, что, будучи всѣхъ ихъ бѣднѣе, долженъ, въ силу господства и власти денегъ, лакействовать и пресмыкаться

передъ людьми, и самую завѣтною его мечтою должны быть деньги, какъ можно болѣе денегъ. Но нѣтъ, Соломонъ—натура болѣе высокая. Онъ не только не стремится къ обладанію богатствомъ, но, напротивъ, даже самъ отъ него отказывается. Соломонъ, какъ оказывается, получилъ наследство въ шесть тысячъ рублей. Съ такою суммою можно все-таки «презирать» многихъ изъ окружающихъ, у которыхъ нѣтъ шести тысячъ. Это еще не много, но, при «извѣстной» еврейской способности изъ копѣйки дѣлать рубль, изъ рубля десять рублей и т. д., Соломонъ могъ бы постепенно дойти сначала до степени Ивана Ивановича, потомъ сравниться съ Варламовымъ, опередить его и наконецъ стать Ротшильдомъ, передъ которымъ, конечно, весь міръ лакействуетъ и пресмыкается. Соломонъ, однако, поступилъ иначе: онъ свои шесть тысячъ сжегъ въ печкѣ—да, прямо взялъ и бросилъ въ огонь. А сдѣлалъ онъ это вотъ почему:

—«Я,—говоритъ онъ,—свои деньги спалилъ въ печкѣ. Мнѣ не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобъ меня боялись и снимали шапки, когда я ѣду. Значитъ, я умнѣй вашего Варламова и больше похожъ на человѣка!»

«На *человѣка*»—слышите? Вотъ что такое этотъ, проникнутый жесточайшимъ байронизмомъ, молодой еврей. Изъ всего, что интересуетъ насъ, простыхъ, заурядныхъ людей, онъ только къ одному отнесся-было свиходительно, именно къ сценическому искусству: года два до описываемого момента онъ подвизался въ ярмарочномъ балаганѣ, рассказывая сцены изъ еврейскаго быта, и пользовался тамъ большимъ успѣхомъ. Но въ это занятіе, вмѣстѣ съ его розами и лаврами, опротивѣло Соломону, и онъ, бросивъ «сцену», удалился къ брату въ корчму «лакействовать».

Типъ, какъ видите, крайне оригинальный. Это ужъ нѣчто совсѣмъ новое, неслыханное и невиданное въ еврейской средѣ. Еврей плутъ, еврей обирало, еврей процентчикъ, однимъ словомъ—еврей, всегда и всячески обирающій и обдирающій всѣхъ его окружающихъ, это вѣдь, по нашимъ современнымъ понятіямъ, нѣчто вполне заурядное, шаблонное: объ немъ въ газетахъ каждый Божій день пишутъ, его и въ повѣстяхъ и романахъ со всѣхъ сторонъ описываютъ замѣчательные знатоки еврейской души и еврейской жизни, въ родѣ г. Всеволода Крестовскаго, напр. Г. Чеховъ не пожелалъ идти по этой торной дорогѣ, что, конечно, дѣлаетъ ему честь. Но, съ другой стороны, онъ, въ своемъ стремленіи быть оригинальнымъ, пожалуй—увы!—слишкомъ далеко, что называется—хватилъ черезъ мѣру. Въ самомъ дѣлѣ, что это за фигура этотъ Соломонъ? Гдѣ г. Чеховъ ви-

дѣлъ хоть что нибудь на него похожее? Если бы авторъ зналъ хорошо еврейскую жизнь, т. е. лично ее наблюдалъ бы, онъ понялъ бы, что *такой* Соломонъ немислимъ не только какъ типъ уже сложившійся, но даже какъ исключеніе, носящее хотя бы нѣкоторые признаки нарождающагося типа. Если бы г. Чеховъ, рисуя этого Соломона, остановился бы на его презрѣніи къ людямъ, какъ на чертѣ характера, являющейся у нашего героя слѣдствіемъ сознанія своего безсилія передъ ихъ богатствомъ, передъ ихъ деньгами, мы бы ничего не имѣли противъ. Какъ ни мало идеальнаго было бы въ нашемъ героѣ, мы все-таки признавали бы его дѣйствительнымъ: сила денегъ въ наше время слишкомъ велика; чувствовать эту силу всѣ люди, чувствуютъ ее въ той же степени и евреи, которымъ, къ тому же, нерѣдко приходится видѣть въ этой силѣ поддержку и защиту противъ своего безправія и бездоля... Мойсей Мойсенчъ, напр., *въ основѣ* своей вполне типиченъ; у Соломона недоброе чувство къ людямъ, подавляющимъ его своею денежною властью, будучи, можетъ быть, въ то же время круглымъ ничтожествомъ, крайними невѣждами, столь же возможно и естественно, какъ и у всякаго мыслящаго человѣка. Но оба брата, и Мойсей, и Соломонъ, доведены г. Чеховымъ до крайней степени шаржа, и тѣмъ нечестивѣе рѣжетъ глаза этотъ шаржъ, что онъ является слишкомъ рѣзкимъ пятномъ на общемъ фонѣ очерка, изобилующемъ истинно прекрасными рисунками, множествомъ маленькихъ, но живыхъ и любознательныхъ положеній, подмѣченныхъ тонко и воспроизведенныхъ съ несомнѣннымъ талантомъ.

* * *

Изъ корчмы перейдемъ въ будуаръ. Переходъ не лишенный пріятности, хотя... Да вотъ посмотримъ, какова она, обитательница этого будуара, которую авторъ называетъ именемъ Сусанны Моисеевны (опять имя не еврейское).

Сусанна Моисеевна Ротштейнъ — дѣвица 26—28 лѣтъ, унаслѣдовавшая отъ отца, богатаго водочнаго заводчика, повидному, солидное состояніе, окончила курсъ въ гимназій, путешествовала по Европѣ, говорить по русски вполне правильно, не безъ пріятности картавя букву «р». У Сусанны Моисеевны блѣлое, худощавое лицо, черные, кудрявые какъ барашекъ волосы, стройная, тонкая, точно выточенная талія. Доставшійся ей въ наслѣдство водочный заводъ продолжаетъ дѣйствовать, принося, судя по обстановкѣ дома и образу жизни хозяйки, хорошіе доходы.

Квартира Сусанны Моисеевны убрана богато, но безвкусно; темныя бронзовыя блюда съ рельефами, виды Ниццы и Рейна на столахъ, старинныя бра, японскія статуэтки, золоченыя карнизы, цвѣтистыя обои, яркія бархатныя скатерти, плохія олеографіи въ тяжелыхъ рамахъ и цѣлыя купы, цѣлыя дѣса цвѣтущихъ растений, а надъ всеѣмъ этиѣмъ пестрымъ хаосомъ безвкусицы, — сладковатый, густой до отвращенія запахъ жасмина. Особенно изобилуетъ цвѣтами будуаръ молодой еврейки: тѣмъ цвѣты шпалерами тянутся вдоль стѣнъ, заслоняютъ окна, свѣшиваются съ потолка, выются во углахъ, такъ что просто непонятно, какъ до сихъ поръ еще не задохлась Сусанна Моисеевна въ этой оранжереѣ, которая, какъ оказывается, служитъ ей вмѣстѣ и будуаромъ, и спальней. Для полноты картины надо добавить, что обилію растеній вполне соответствуетъ и обиліе пернатыхъ въ этомъ будуарѣ-спальнѣ: синицы, канарейки, щеглята и чуть-ли не жаръ-птицы — съ пискомъ и щебетаньемъ возятся въ зелени, порхаютъ по комнатамъ, бьются объ оконныя стекла. Безвкусица, положимъ, отчасти свойственна нѣкоторымъ нашимъ «дамамъ», скороспѣлкамъ извѣстныхъ асси-милационныхъ повѣтрій... Но въ данномъ случаѣ безвкусица слишкомъ ужъ дикая, доведенная до апогея шаржа.

Сусанна Моисеевна, какъ видите, дѣвица довольно эксцентричная, и ей будущему супругу предстоитъ нелегкая задача облагородить ея вкусъ и привычки. Но дѣло въ томъ, что Сусанна Моисеевна и не думаетъ выходить замужъ. Она презираетъ женщинъ вообще и замужнихъ въ особенности и предпочитаетъ срывать цвѣты наслажденія на свободѣ, въ чужихъ садахъ и съ каждаго мало-мальски стройнаго и крѣпкаго дерева... Одинъ изъ практикуемыхъ этою предосудительною особой способовъ «наслажденія жизнью» и воспроизводитъ г. Чеховъ въ своемъ разсказѣ «Тина».

Въ домъ «послѣдниковъ М. Е. Ротштейнъ», гдѣ обитаетъ эта еврейская «парица Тамара», является, за полученіемъ для своего брата долга по векселю въ двѣ тысячи триста руб., поручикъ Александръ Григорьевичъ Сокольскій. Поручикъ, съ перваго же момента вступленія въ домъ, встрѣчаетъ рядъ странностей удивительныхъ. Барышня, одѣтая въ дорогой китайскій шлафрокъ, принимаетъ его въ своемъ будуарѣ, въ одномъ углу котораго, гдѣ зелень гуще и выше, подъ розовымъ балдахиномъ стоитъ кровать съ измятой, еще не прибранной постелью. Отрекомендовавшись, поручикъ заявляетъ о цѣли своего посѣщенія.

— А на какую сумму векселя? — спрашиваетъ Сусанна Моисеевна.

— На двѣ тысячи триста.

— Ого!—воскликаетъ еврейка и, поговоривъ о томъ, какъ ей надо, даютъ дѣла и хлопоты по заводу, предлагаетъ поручику подождать уплаты денегъ мѣсяца два - три, на что Сокольскій возражаетъ, что это рѣшительно невозможно, что деньги ему очень нужны немедленно. Изъ дальнѣйшаго разговора узнаемъ, что поручикъ собирается жениться, но ему нѣтъ еще 28 лѣтъ, а по закону офицеръ, желающій жениться раньше этого возраста, долженъ взнести пять тысячъ залога.

— Не понимаю,—заявляетъ Сусанна,— что за охота у людей жениться. Жизнь такъ коротка, такъ мало свободы, а они еще связываютъ себя. Жить съ женщиной!—воскликаетъ она:—я рѣшительно не понимаю, какъ это порядочный человѣкъ можетъ жить съ женщиной... Всѣ онѣ ломака, безнравственныя лгуны»...

Изъ слѣдующихъ словъ Сусанны мы узнаемъ, что она очень часто бываетъ въ церкви, потому что «у всѣхъ одинъ Богъ, для образованнаго человѣка не такъ важна вѣщность, какъ идея». Тамъ же, въ церкви, она видѣла брата поручика, Алексѣя Ивановича Крюкова, котораго она нашла «молодцомъ и красавцемъ». «Вы тоже красивы,—любезно заявляетъ она поручику,—но вашъ братъ гораздо красивѣе». Затѣмъ она велитъ офицеру перейти въ гостиную, чтобы дать ей одѣться. Сильно затянутая, въ длинномъ черномъ платьѣ, она проводитъ офицера черезъ двѣ комнаты, похожія на гостиную, затѣмъ черезъ залу и останавливается въ своемъ кабинетѣ. Не переставая болтать, она достала изъ кармана связку мелкихъ ключей и отперла какой-то мудреный шкафъ съ глухою покатою крышкою, vybrала еще одинъ ключикъ, щелкнула имъ и достала небольшой сафьянный портфель.

— «Смѣшной шкафъ, неправда-ли?—заговорила она:—а въ этомъ портфельѣ четверть моего состоянія. Посмотрите, какой онъ изумительный! Вѣдь вы меня не придумите?»

«Сусанна подняла на поручика глаза и добродушно засмѣялась. Поручикъ тоже засмѣялся.

«А она славная!—подумалъ онъ, глядя какъ ключи бѣгаютъ между ея пальцами.

— «Вотъ онъ!—сказала она, выбравъ ключикъ отъ портфеля.—Ну-съ, г. кредиторъ, пожалуйста на сцену векселя. Въ сущности, какая глупость вообще деньги! Какое ничтожество, а вѣдь какъ любятъ ихъ люди и женщины! Знаете, я еврейка до мозга костей, безъ памяти люблю Шмулей и Янкелей, но что мнѣ противно въ нашей семитической крови, такъ это

страсть къ наживѣ. Копать и сами не знаютъ для чего копать. Нужно жить и наслаждаться, а они боятся потратить лишнюю копейку. Въ этомъ отношеніи я больше похожа на гусара, чѣмъ на Шмуля»...

и т. д.

Сусанна засмѣялась и сунула ключикъ въ замокъ портфеля. Поручикъ досталъ изъ кармана пачечку векселей и положилъ ее вѣстѣ съ записною книжкой на столъ. Освѣдомившись у поручика, сильно-ли она картавитъ, Сусанна продолжала:

— «Ничто такъ не выдаетъ еврея какъ акцентъ. Какъ бы онъ ни корчилъ изъ себя русскаго, или француза, но попросите его сказать слово зуть и онъ скажетъ вамъ: пэухх... А я выговариваю правильно: пухъ! зухъ! пухъ!»

Оба засмѣялись.

— «Ей-Богу, она славная!» — подумалъ Сокольскій.

Сусанна положила портфель на стулъ, сдѣлала шагъ къ поручику и, приблизивъ свое лицо къ его лицу, весело продолжала... Говорила она о томъ, что послѣ евреевъ никого такъ не любятъ, какъ русскіе и французы, что судьба всей земли находится въ рукахъ этихъ двухъ народовъ; при этомъ она смѣялась такимъ хорошимъ, заразительнымъ смѣхомъ, что поручикъ, глядя на нее, невольно самъ хохоталъ весело и громко. Наконецъ, Сусанна взяла гостя за пуговицу и продолжала:

— «Вы, конечно, не любите евреевъ... Я не спорю, недостатокъ этого, какъ и у всякой націи. Но развѣ евреи виноваты? Нѣтъ, не евреи виноваты, а еврейскія женщины! Онѣ недалеко, жадны, безъ всякой поэзіи, вульгарны... Вы никогда не жили съ еврейкой и не знаете, что это за прелесть!»

«Послѣднія слова, — повѣствуешь г. Чеховъ, — проговорила Сусанна Монревна протяжно, уже безъ воодушевленія и смѣха. Она умолкла, точно испугалась своей откровенности, и лицо ея вдругъ исказилось страннымъ и непонятнымъ образомъ. Глаза ея не мигая уставились на поручика, губы открылись и обнаружили стиснутые зубы. На всемъ лицѣ, на шеѣ и даже на груди задрожало злое, кошачье выраженіе. Не отрывая глазъ отъ поручика, она быстро перегнула свой станъ въ сторону и порывисто, какъ кошка, схватила что-то со стола. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Слѣдя за ея движеніями, поручикъ видѣлъ, какъ пять пальцевъ схватили его векселя, какъ бѣлая шелестящая бумага мелькнула передъ его глазами и исчезла въ его кулакѣ. Такой рѣзкій, необычайный пово-

ротъ отъ добродушнаго смѣха къ преступленію такъ поразилъ его, что онъ поблѣднѣлъ и сдѣлалъ шагъ назадъ... Вскорѣ, однако, онъ сообразилъ въ чемъ дѣло. «Еще мгновеніе и векселя исчезли бы въ тайничку женскаго платья, но тутъ поручикъ слегка вскрикнулъ и, побуждаемый больше инстинктомъ, чѣмъ разумомъ, схватилъ еврейку за руку около сжатаго кулака»... и у нихъ началась борьба. Долго они боролись; наконецъ, Сокольскому удалось поймать кулакъ... «Разжавъ его и не найдя векселей, онъ оставилъ еврейку. Красные, съ встрепающими прическами, тяжело дыша, глядѣли они другъ на друга. Злое коначье выраженіе на лицѣ еврейки мало-по-малу смѣнилось добродушною улыбкой. Она расхоталась и, повернувшись на одной ногѣ, направилась въ комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Поручикъ пошелъ за ней. Она сѣла за столъ и, все еще красная, тяжело дыша, выпила полрюмки портвейна».

Хороша сценка? Но погодите, читайте дальше:

— «Послушайте, — прервалъ молчаніе поручикъ, — вы, надѣюсь, шутите?»

— «Нисколько, — отвѣтила она, запиная въ ротъ кусочекъ хлѣба».

— «Гм... какъ же прикажете понять все это?»

— «Какъ угодно... Садитесь завтракать».

— «Но... вѣдь это нечестно!»

— «Можетъ быть... Впрочемъ, не трудитесь читать мнѣ проповѣди».

У меня свой собственный взглядъ на вещи.

— «Вы не отдадите?»

— «Конечно, нѣтъ! Будь вы бѣдный, несчастный человѣкъ, которому ѣсть нечего, тогда другое дѣло, а то — жениться захотѣлъ!»...

Никакіе резоны, приведенные Сокольскимъ, не помогли.

— «Чортъ знаетъ что! — бормоталъ онъ. — Послушайте, я не уѣду отсюда, пока не получу отъ васъ векселей!»

— «Ахъ, тѣмъ лучше! — смѣялась Сусанна. — Хоть жить здѣсь оставатесь, мнѣ же будетъ веселѣе»...

Сталъ припоминать поручикъ Сокольскій рассказы своего брата о романтическихъ похожденияхъ еврейки, о ея свободномъ образѣ жизни, и сталъ новилъ смѣлѣе и дерзче. Онъ забылъ о векселяхъ, забылъ о своей невѣстѣ, забылъ также и то, что ему, какъ заявляетъ авторъ, лица не русскія никогда не нравились, порывисто сѣлъ рядомъ съ еврейкой и началъ завтракать.

— «Вамъ водки или вина? — спрашивала со смѣхомъ Сусанна. — Такъ вы останетесь ждать векселя? Бѣдняжка, сколько дней и ночей придется»

накъ провѣсти у меня въ ожиданіи векселей! Ваша невѣста не будетъ въ претензіи?»...

Поручикъ возвратился домой отъ Сусанны Моисеевны только на другой день утромъ.

* * *

Читатель, прослѣдивъ «ходъ событій» въ кабинетѣ и столовой Сусанны Моисеевны и дойдя до благополучнаго финала, конечно, только разведетъ руками передъ изобрѣтательностью этой, съ позволенія сказать, дѣвицы, которой предстояла нелегкая задача совратить съ пути истины молодого офицера, дворянина и, главное, чужого жениха чуть-ли не наканунѣ его свадьбы съ любимую дѣвушкой. На влюбленнаго въ свою невѣсту молодого человѣка, повидимому, недостаточно было дѣйствовать однимъ шаблоннымъ кокетствомъ, его надо было огорошить сразу какимъ нибудь особеннымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго эффектомъ, и Сусанна рѣшилась выкинуть изумительно смѣлую штуку и—дѣйствительно достигла своей цѣли. Другой вопросъ—насколько такая Сусанна возможна, мыслима въ той, повидимому, интеллигентной еврейской средѣ, къ которой она принадлежала. Не будемъ спорить съ авторомъ на этомъ пунктѣ. Ни отъ матери своей, ни отъ бабушки, ни отъ своихъ еврейскихъ подругъ по гитазин Сусанна не могла, конечно, позаимствовать свойственныхъ ей взглядовъ на женскую чистоту и добродѣтель, а если показанія о ней г. Чехова вѣрны, то объясненіе ея поведенію надо искать въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя имѣло на нее знакомство съ жизнью и нравами различныхъ цивилизованныхъ странъ, гдѣ она жила уже по выходѣ своемъ изъ сферы тѣсныхъ семейныхъ и національныхъ традицій. Не станемъ также доискиваться, какая доля вышеупомянутыхъ вліяній можетъ принадлежать тому обществу, съ которымъ обыкновенно ассимилируются подобныя еврейскія дѣвицы тутъ же на мѣстѣ, въ нашемъ высокоцивилизованномъ отечествѣ... Этотъ вопросъ покуда оставимъ. Есть въ рассказѣ г. Чехова нѣчто болѣе интересное. Вы думаете, читатель, что на приведенномъ выше «финалѣ» и заканчивается весь этотъ игривый эпизодъ? И былъ вечеръ, и было утро—день второй, и возвратился поручикъ отъ своего демона-искусителя домой, привезя брату слѣдующее ему двѣ тысячи триста государственной валюты? Но въ томъ-то и дѣло, что г. Чеховъ захотѣлъ изобразить намъ нѣчто сугубо оригинальное, нѣчто такое изъ еврейскихъ нравовъ, что ошелмляло бы своею оригинальностью, можно сказать, чудовищностью. Нѣтъ,

денегъ Сокольскій не привезъ, потому что еврейка ихъ и на завтра ему не отдала. Болѣе того, поѣхалъ къ ней братъ Сокольскаго съ цѣлью во что бы то ни стало получить деньги. Алексѣй Ивановичъ, человѣкъ семейный, почтенный, грозилъ ей судомъ, губернаторомъ, собирався ее отколотить жесточайшимъ образомъ («Я ее изувѣчу!... Мокраго мѣста не останется! Я не поручикъ!»... и т. д.) и... и вернулся домой *черезъ дни*, также безъ денегъ.

...«Векселя — фюйтъ! Ниши пропало... Считаю за тобою, — говоритъ онъ брату, — не 2,300, а половину. Чуръ, жевѣ говорить, что у арсудатора былъ»...

* * *

Вотъ оно какъ, любезный читатель. Теперь вы уже видите, что мы имѣемъ дѣло не съ просто-безпутной особой, что называется, жрицей разврата, дѣвицей, забывшей всякій стыдъ и пустившейся во все тяжкое... Нѣтъ, это совершенно новый типъ дѣльца въ юбкѣ, у которой распущенность служитъ лишь средствомъ къ наживѣ. Она не просто торгуетъ своею красотой, но рѣшается на уголовныя преступленія, идетъ на-проломъ, лишь бы насытить свою алчность къ деньгамъ. И это типъ совершенно новый, не имѣющій ничего общаго съ той семьей, изъ которой онъ вышелъ. Отецъ Сусанны Моисеевны пользовался кредитомъ вполне безпреступленно и у того самаго Алексѣя Ивановича, котораго такъ мастерски ограбила его дочь: вексель былъ выданъ именно покойнымъ Моисеемъ Ротштейномъ, закупавшимъ у этого помѣщика овесъ. Будь теперь Ротштейнъ живъ, деньги по векселю, конечно, были бы уплачены и поручикъ вернулся бы домой въ тотъ же день, и брату его не пришлось бы ѣздить за ними, и ѣздить такъ медленно, чтобъ возвращаться домой лишь на завтра.

Чѣмъ бы ни былъ старикъ Ротштейнъ, какъ бы предосудительны ни были его отношенія къ людямъ въ денежныхъ дѣлахъ, несомнѣнно то, что онъ всѣми силами пренятствовалъ бы своей дочери въ малѣйшемъ намѣреніи съ ея стороны сколько нибудь пренебрегать своею чистотой, добродѣтелью, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Уверъ онъ не могъ бы, и въ пользу того, что онъ имѣлъ репутацію человека благонадежнаго въ коммерческихъ отношеніяхъ, говорить приводимый г. Чеховымъ же фактъ продажи покойному овса подъ вексель (другихъ данныхъ въ рассказѣ не имѣется). Следовательно, и въ отношеніи добродѣтели вообще Сусанна не могла усвоить себѣ отъ отца никакихъ сомнительныхъ

взглядовъ, ничего подобнаго тому, что она позволила себѣ въ дѣлѣ съ вѣкселями Сокольскаго. Но авторъ предусмотрительно освободилъ свою героиню отъ какихъ бы то ни было виѣшнихъ препятствій, никакихъ объясненій не даетъ ни ея распутству, ни ея алчности, надѣясь на то, что, при господствующемъ въ извѣстной части нашей печати и въ извѣстной средѣ нашего общества взглядѣ на евреевъ вообще, такая еврейка сойдетъ за чистую монету; надо только, чтобы «эпизодецъ» выискалъ поигривѣй, позажаничивѣй, тогда и въ печати похвалять, и въ публикѣ въ ходъ пойдетъ.

И вотъ передъ нами два типа; главною, самою характерною чертою каждаго изъ нихъ—его отношенія къ деньгамъ. Соломонъ въ корчмѣ и Сусанна въ будуарѣ, оба они выведены авторомъ какъ два разныхъ типа «молодого» еврейства, того еврейства, которое вопить-молить о гражданскихъ правахъ, о свободномъ доступѣ въ различныя сферы труда и дѣятельности. И что же хорошаго можно ждать отъ этихъ людей? Психопатъ-мужчина и женщина, способная на все ради паживы—имъ-ли еще нужны какія-то права, они-ли нужны едва лишь начинающему жить русскому народу? Допустить даже, что и Соломонъ, и Сусанна—исключенія, но не могли-ли авторъ показать на этихъ исключеніяхъ, до чего существующіе дѣйствительно въ современномъ еврейскомъ обществѣ типы могутъ дойти при дальнѣйшемъ ихъ развитіи?

Между тѣмъ, всякій мало-мальски знакомый съ еврейскою средой, и не по бабушкинымъ сказкамъ и выдумкамъ, а на основаніи серьезныхъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ самою жизнью, можетъ увѣрить г. Чехова, что его Соломонъ—призракъ, а не живой человѣкъ, а ужъ эта Сусанна—просто ложь и глушь.

Очень, очень больно, когда писатель молодой и даровитый столь небрежно обращается со своимъ талантомъ. Отъ всего сердца советуемъ г. Чехову оставить эту манеру сочинительства той невѣжественной и бездарной типѣ «разсказчиковъ изъ еврейскаго быта», которая подвизается на подоконникахъ загородныхъ садовъ и на страницахъ и столбцахъ однородныхъ послѣдними органовъ отечественной печати. Мы убѣждены, что современемъ, когда г. Чеховъ выйдетъ на широкую и свѣтлую дорогу сознательнаго и серьезнаго творчества и будетъ черпать матеріалъ изъ дѣйствительности, онъ пойдетъ въ еврейской средѣ типы куда болѣе привлекательные, чѣмъ нарисованные въ разсмотрѣнныхъ нами двухъ его разсказахъ.

Есть въ книжкѣ г. Чехова еще одинъ небольшой очеркъ, «Перекапале», не лишенный нѣкотораго интереса для нашихъ читателей. Въ монастырѣ, на берегу Дона, авторъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, который ему рассказалъ о себѣ слѣдующее:

«Съ самаго ранняго дѣтства я питалъ любовь къ ученію. Мои родители — бѣдные евреи; занимаются грошевою торговлей, живутъ по-нищенски, грязно»... «Мои родители ни за что не хотѣли учить меня, а хотѣли, чтобы я тоже занимался торговлей и не зналъ ничего кромѣ Талмуда. Но всю жизнь биться изъ-за куска хлѣба, болтаться въ грязи, жевать этотъ Талмудъ, согласитесь, не всякій можетъ»... «Я плакалъ и просилъ, чтобы меня отдали въ школу... Разъ я нашелъ русскую газету, привнесъ ее домой, чтобы изъ нея сдѣлать шпѣй, такъ меня побили за это, хотя и не умѣлъ читать по русски»... «Что было дѣлать! Я взялъ и сбѣжалъ въ Смоленскъ», гдѣ поступилъ къ лудильщику посуды въ ученье, полагая, «что днемъ буду работать, а ночью и по субботамъ учиться... Но узнавъ полицію, что я безъ паспорта, и отравила меня по этому назадъ къ отцу»... «Родители наказали меня и отдали дѣдушкѣ, старому еврей-фанатику, на исправленіе. Но я ночью ушелъ въ Шкловъ. А когда въ Шкловѣ ловилъ меня мой дядя, я пошелъ въ Могилевъ; тамъ пробылъ недѣлю и съ товарищемъ пошелъ въ Стародубъ». «Неребывавъ затѣмъ въ Гомель, Киевѣ, Вѣлой Церкви, Умані, Валѣ, Бендерахъ, добрался до Одессы». «Въ Одессѣ я цѣлую недѣлю ходилъ голодный, пока меня не приняли евреи, которые ходятъ по городу и покупаютъ старое платье. Я уже умѣлъ тогда читать и писать, зналъ ариметыку до дробей и хотѣлъ поступить куда нибудь учиться, но не было средствъ». «Проторговавъ полгода старыя платье и не получивъ отъ евреевъ своего заработка, я уѣхалъ въ Перекопъ... До 16 лѣтъ я ходилъ безъ опредѣленнаго дѣла и безъ почты, пока не попалъ въ Полтаву. Тутъ одинъ студентъ-еврей узналъ, что я хочу учиться, и далъ мнѣ письмо къ харьковскимъ студентамъ... Студенты начали готовить меня въ техническое училище... Они дали мнѣ квартиру и кусокъ хлѣба, поставили меня на настоящую дорогу, заставили мыслить, указали цѣль жизни... Приготовлялся я полгода», но такъ какъ для поступления въ техническое училище нужно знать весь гимназическій курсъ математики, то сталъ готовиться въ ветеринарный институтъ, куда принимають съ аттестатомъ 6-ти классовъ гимназіи... «Услыхавъ, что прѣзжалъ моя мамаша и ищетъ меня по всему Харькову, я уѣхалъ и поступилъ въ горное училище, что на донецкой дорогѣ»...

На практических занятіях рассказчикъ чуть-было не лишился жизни, въ дѣйствиіе того, что бабья, въ которой онъ поднимался изъ шахты, оборвалась и увлекла его внизъ на глубину трехъ сажень. Спасенный чудомъ отъ неминуемой гибели, онъ получилъ, однако, сильныя поврежденія и, по мнѣнію врачей, долженъ заболѣть чахоткой.

Вослѣдствіи онъ держалъ экзаменъ на сельскаго учителя и во время встрѣчи съ нимъ автора собирался занять такое мѣсто въ церковно-приходской школѣ въ Новочеркасскѣ. «Теперь вѣдь я православный,—замѣчаетъ рассказчикъ,—и имѣю право быть учителемъ».

Такова послѣдняя подробность изложенной нами вкратцѣ исторіи молодого «выкреста изъ евреевъ», который дѣлаетъ попытку объяснить свой преступокъ слѣдующимъ образомъ:

«Я,—говоритъ онъ,—до послѣдняго времени совсѣмъ не зналъ Бога. Я былъ атеистъ. Когда лежалъ въ больницѣ, я сталъ думать на эту тему. По моему мнѣнію, для мыслящаго человѣка возможна только одна религія, и именно—христіанская... «Иудаизмъ отжилъ свой вѣкъ и держится еще только благодаря особенностямъ еврейскаго племени. Когда цивилизація коснется евреевъ, то отъ иудаизма не останется и слѣда»... г. д.

Г. Чехова, какъ и каждого изъ нашихъ читателей, выслушавшихъ извѣствованіе молодого скитальца, конечно, не можетъ удовлетворить послѣднее «объясненіе». «Какъ я ни бился и ни хитрилъ,—говоритъ г. Чеховъ,—причины остались для меня темными. Если можно было вѣрить, что онъ, какъ утверждалъ, принялъ православіе по убѣжденію, то въ чемъ состояло и на чемъ зиждилось это убѣжденіе—изъ его словъ понять было невозможно; предположить же, что онъ перемѣнилъ вѣру ради выгоды, это тоже нельзя: дешевая, поношенная одеженка, проживаніе на монастырскихъ хлѣбахъ и неопредѣленное будущее мало походили на выгоды. Ставало только помиряться на мысли, что перемѣнить религію побудилъ этого сожителя тотъ же самый беспокойный духъ, который бросалъ его какъ щепку изъ города въ городъ»...

Послѣднее, пожалуй, вѣрно. Но и этотъ «беспокойный духъ», который бросалъ его какъ щепку изъ города въ городъ, тоже вѣдь пороженъ былъ въ немъ извѣстною причиною. Какая же это причина? Не является-ли этотъ духъ беспокойства прямымъ послѣдствіемъ того длиннаго и испытанныхъ молодымъ скитальцемъ мытарствъ и невзгодъ, изъ го-

торыхъ состояла вся его жизнь съ самаго ранняго дѣтства? Онъ кидаетъ изъ Гомеля въ Кіевъ, изъ Кіева въ Умань, изъ Умани въ Балту и т. д. все въ тѣхъ же тревожныхъ поискахъ за угломъ и за кускомъ хлѣба; а мѣсто учителя въ церковно-приходскомъ училищѣ, какъ хотите, все-таки нѣчто очень и очень соблазнительное хотя-бы въ сравненіи съ полднѣмъ прикащика у торговцевъ старымъ платьемъ, которые, къ тому же, еще и выгоняютъ, не заплативъ за униженный трудъ въ теченіе полу-года. Если бы г. Чеховъ былъ хорошо, близко знакомъ съ бытомъ еврейскаго пролетаріата въ чертѣ еврейской осѣдлости — видѣлъ бы какія только жертвы ни приносятъ тамъ люди ради куска хлѣба, сколько труда, усилій употребляютъ на добываніе гроша, сколько ночей не досыпаютъ, чгобъ завоевать себѣ одинъ часъ спокойствія и обезпеченности — онъ увидалъ бы, что перспектива получить мѣсто церковно-приходскаго учителя, да еще для такого измученнаго, обездоленнаго съ самаго дѣтства человѣка, какъ его герой, можетъ толкнуть его и на самый серьезный, смѣлый, роковой поступокъ. Лежа въ больницѣ, онъ *думалъ* на тему о религіи, *только думалъ*, — и совершенно естественно, что всѣ эти фразы о «высокихъ матеріяхъ» въ устахъ выкреста производили на автора впечатлѣніе чисто книжной подражательности, повторенія вычитаннаго, выученнаго наизусть, но отнюдь не глубоко сознаннаго и искренно прочувствованнаго. Вопросы религіи надо *изучать*, и для того, чгобъ отдавать предпочтеніе одному культу передъ другимъ, надо *знать* и тотъ, и другой. Но развѣ нашъ герой, выбитый изъ сферы семейныхъ устоевъ и религіозно-національныхъ традицій въ раннюю пору дѣтства, могъ имѣть какой-нибудь надлежащій критерій для сужденія о религіи?

Этотъ несчастный боится оставаться одинъ въ компаніи, наединѣ со своими воспоминаніями, со своею совѣстью — и своими сентенціями объ отвращеніяхъ двухъ религіозныхъ культовъ явно силится заглушить въ себѣ роковую работу того «безнокойнаго духа», для котораго онъ — увы! — не находитъ и не найдетъ никогда умиротворенія. Г. Чеховъ это сознаетъ отчасти и понималъ бы это вполне, если бы — повторяемъ — онъ обладалъ болѣе обширнымъ и глубокимъ знакомствомъ съ тою средой, изъ которой онъ взялъ своего героя.

Въ общемъ о г. Чеховѣ можно сказать слѣдующее: онъ обладаетъ несомнѣннымъ и крупнымъ талантомъ. Тѣ черты даннаго типа, которыя онъ наблюдалъ *лично*, всегда воспроизводятся имъ отчетливо, ярко и вѣрно. Къ сожалѣнію, запасъ его личныхъ наблюденій покуда недостаточно великъ.

никъ, а въ дѣлѣ обобщенія характерныя частности для синтетическаго воспроизведенія «типа» онъ часто дѣлаетъ ту ошибку, что приступаетъ къ этому съ предвзвѣтою цѣлью нарисовать *непрѣменно* что нибудь *эффектное*, какъ, напр., личность Соломона въ «Степи» — личность, дѣйствительно производящая эффектъ, но эффектъ неожиданнаго и крайне страннаго сочетанія положеній, словомъ — эффектъ фокуса. Для писателя молодого это до известной степени простиительно. Но по мѣрѣ того, какъ писатель теряетъ право на снисходительный эпитетъ «молодого», этотъ недостатокъ становится для него роковымъ. Г. же Чеховъ слишкомъ талантливъ и — надѣемся — благороденъ для того, чтобы въ будущемъ не исправить тѣхъ своихъ ошибокъ, которыя сдѣланы имъ неволью при воспроизведеніи его Соломона и, въ особенности, героини его разсказа «Тина». Этою надеждою мы и заключаемъ нашъ отзывъ объ этомъ талантливомъ и симпатичномъ молодомъ писателѣ.

С. Г.